

Глава 1

Доктор Салазар едет в лес

— **Д**ержитесь крепче, господин доктор, будет трясти. Не сбавляя скорости, внедорожник свернул с шоссе на узкую грунтовку, уводящую в лес. Сам доктор Салазар ничем бы не заметил эту дорогу, так хорошо она спряталась среди высокой травы вдоль обочины. Никаких дорожных указателей, стрелочек или иных знаков. И уж точно он бы не стал заезжать на нее на скорости, уместной на экстремальных автогонках.

Однако водитель, молодой егерь в бледно-зеленой форме Управления Лесного Хозяйства, вел внедорожник так, будто за ними гнались все черти из преисподней. Изо всех сил он цеплялся за рулевое колесо — еще немного, и вырвет его из панели. Гладко выбритое лицо покраснелось, волосы стояли дыбом... От усердия он даже высунул кончик языка. Этому парню не помешало бы сдать анализы на токсоплазмоз, а иначе откуда столь дикое желание отправить их на тот свет? Доктор Хайме Салазар считал себя человеком рациональным, в высшие силы не верил, но тут он вспомнил все молитвы и гимны, которые учил в воскресной школе, и теперь беззвучно повторял их, вцепившись в ручку двери так, что даже мышцы свело.

— Потерпите немного! — проорал егерь. — Скоро будем на месте!

Загрохотали железные кости, задрезбуждали таинственные детали, и машина понеслась по разбитой дороге, подскакивая на каждом ухабе, не пропуская ни единой ямы и выбоины. Доктор Салазар решил, что к концу поездки он или лишится половины зубов, или же откусит себе половину языка. Наконец-то он понял, что означает избитое выражение «*мешок с костями*» — именно таким мешком он себя и ощущал. Он десять раз пожалел о том, что с утра плотно позавтракал, и теперь думал о том, как бы уговорить яичницу, сосиски и тосты остаться в желудке хотя бы до конца сумасшедшей поездки.

— Я вообще в жизни такого не видел, — громко сказал егерь, но за ревом мотора голос был едва различим. — Думал, такое только в сказках бывает, ну или в книжках приключенческих.

— Да? — простонал Салазар.

Он едва понимал, о чем вообще говорит этот парень. Можно было хотя бы попытаться сосредоточиться на его словах, но сил на это не осталось. Мозг превратился во взбитое желе; все извилины и желудочки окончательно перепутались, и никакая мысль не задерживалась в голове. Всякий раз, когда Салазар начинал думать о чем-либо, кроме своего физического состояния, внедорожник тут же подскакивал, или проваливался, или его мотало в сторону.

— Ну да! — крикнул егерь. — Была такая книжка, про мальчишку, который потерялся в лесу и совсем одичал. Вроде как его воспитали волки... Ну а у нас девчонка. Когда мы ее нашли...

МЕРТВЫЙ ЛЕС

Мотор взвыл, как пожарная сирена, заглушив слова егеря. Парень в ярости заколотил кулаком по приборной доске, не переставая при этом болтать. Салазар даже не старался прислушиваться, все его мысли были лишь о том, что будет, если двигатель заглохнет. Доктор никогда не был любителем лесных прогулок и становиться им не собирался. Удивительно, как он вообще оказался в этой машине и едет не пойми куда и не пойми зачем, вместо того чтобы в тишине и спокойствии перебирать бумажки у себя в кабинете.

Несмотря на завывания мотора, егерь и не подумал сбросить скорость. Своего железного коня он не щадил, и в конце концов это возымело эффект: вой и визг уступили место басовитому рычанию. Егерь откинулся на сиденье с видом циркового укротителя, усмирившего разъяренного льва. И при этом продолжал говорить:

— ...пришлось накладывать швы, представляете?

— Что?

— Вот! А по виду и не скажешь! Соплячка совсем, кожа да кости, а иди ж ты!

Салазар покачал головой. Потом, все потом, когда они приедут на место и когда он выпьет литр крепкого кофе. А без этого мозги отказывались работать. Все, о чем трепался егерь, казалось бессмысленным набором слов. Какая еще девчонка? При чем здесь волки и швы? И какого черта им в такой глуши потребовался психиатр?

Машина углублялась в лес, петляя по узкой дорожке. Деревья становились выше и толще, густой подлесок уступил место соснам в три обхвата и высоким, как пятиэтажный дом. Но доктор знал, что это далеко не предел. Он читал, что в лесной чаще встречаются великаны и за сотню метров, старые, как само время. Спил с одного

из таких деревьев Салазар видел в музее — кусок дерева в три человеческих роста высотой и с таким количеством годовых колец, что за сто лет не пересчитать. Он в жизни не видел ничего столь же огромного и при этом созданного не руками человека, а явившегося в мир по велению куда более могущественных сил.

Тогда доктору это показалось неправильным, даже нечестным. Теперь же его занесло в края, где подобное было в порядке вещей. Он ощущал себя чужаком в чужой стране, и чем дальше внедорожник углублялся в лес, тем сильнее разгоралось это чувство — необъяснимая тоска и томление, смешанные с благоговением и страхом. Чувство, для которого у доктора не нашлось названия. Как если бы огромный зверь поймал его и прижал к земле сильной мягкой лапой. Дорога становилась уже. Ветви деревьев скребли и стучали по металлической крыше.

— Долго еще? — прокричал Салазар.

Егерь ответил белозубой улыбкой.

— Почти на месте. Потерпите немного, скоро сами все увидите.

Однако прошло не меньше получаса, прежде чем внедорожник вырвался из сжимающихся тисков лесной дороги и они оказались на круглой поляне, где располагалось лесничество — один из форпостов Управления Лесного Хозяйства в этих диких краях. Диких? Салазар усмехнулся. Отсюда до города всего несколько часов на машине. Не тропические джунгли, не бескрайние просторы тайги, а все равно он как будто оказался на другой планете.

Сама лесная станция, мягко говоря, не впечатляла. Сразу видно, что строили ее наспех, не заботясь ни об

МЕРТВЫЙ ЛЕС

удобстве, ни о красоте, ни о надежности, с одной целью — хоть как-то закрепиться на этом участке земли. Лес окружил поляну густым и плотным кольцом, в любой момент готовый ринуться в атаку: первой пойдет ольха, за нею — рябина и ива. А что ему смогли противопоставить люди? Только хлипкий забор из колючей проволоки, державшийся на честном слове.

За забором жались друг к другу с полдюжины щитовых домиков, а за ними выстроились в ряд несколько грузовых контейнеров, выкрашенных в кирпично-красный цвет. С краю поблескивал застоялой водой пожарный водоем, над которым нависала наблюдательная вышка — шаткая конструкция из неотесанных бревен. Ни за какие деньги Салазар не согласился бы на нее подняться, однако нашлись смельчаки — на верхней площадке доктор разглядел одинокую фигуру в широкополой шляпе. И что же они тут высматривают? Лесные пожары, наверное, или, что куда вероятнее, нелегальные винокурни самогонщиков. Салазар читал о таком в газете.

Егерь сбросил скорость, и внедорожник застонал от облегчения. Под сиденьем что-то громко заскрипело, словно кто-то согнул пополам ржавую трубу. Автомобиль ошутимо просел на колесах. Был бы он живым существом, его бы, наверное, пришлось пристрелить, как загнанную лошадь. Очень медленно внедорожник двинулся к воротам, сколоченным из серых растрескавшихся досок.

— Ну, вот и приехали. Добро пожаловать на лесную станцию номер тринадцать, — с гордостью сказал егерь. — Или как мы ее зовем — Же-Эл.

— Же-Эл? — не понял доктор.

— Ну да. Жопа Леса, вроде того.

Дмитрий Колодан

Дитя из леса

Их уже ждали. У ворот топтался седой коренастый мужчина с пышными усами и курил сигарету так, что дым не успевал развеяться от лица. На форменной зеленой рубашке блестела медная пятиконечная звезда — знак Управления.

— Ну а вот и наш капитан, — сказал егерь. — Он тут самый главный.

Внедорожник остановился, и доктор вышел, точнее — вывалился наружу, жадно глотая свежий лесной воздух. После пропахшего бензином салона это должно было привести его в чувство, однако тошнота и не собиралась отступать. Ноги подкашивались, руки тряслись, пришлось опереться о капот, чтобы не упасть. Салазар глянул на себя в боковое зеркало и ужаснулся: лицо бледное, мешки под глазами, лоб блестит от испарины, в общем — краше в гроб кладут. Но все же он пригладил пятерней растрепавшиеся волосы и поправил узел галстука, хотя смысла в этом не было никакого. В лесу громко закричала незнакомая птица: *у-ит, уу-ит?*

Усатый капитан затушил окурок о створку ворот, бросил его в карман и, чеканя шаг, направился к машине. Бывший военный, решил Салазар, и невольно напрягся. Не то чтобы он не любил военных, но знал, как порой тяжело с ними в общении.

— Доктор Салазар, я полагаю? — спросил мужчина, протягивая руку, и сам же усмехнулся древней шутке. — Мы вас уже заждались. Моя фамилия Григер.

Голос у него оказался скрипучим, как ржавые дверные петли. Неприятный голос, Салазар едва сдержался, чтобы не поморщиться.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

— Приятно познакомиться, господин Григер, — сказал он, отвечая на рукопожатие. Крепкое, мужское, из тех, чей смысл показать, кто здесь главный, а вовсе не поприветствовать. Салазар смутился, когда сообразил, что у него сильно вспотели ладони, однако Григер и вида не подал, будто что-то не так.

— Ласло уже ввел вас в курс дела?

Он указал на улыбчивого егеря, оставшегося у машины.

— Кхм... В общих чертах, но, боюсь, я не до конца понял.

— Ну да, ну да, — вздохнул Григер. — Понимаю. Мне бы кто рассказал — в жизни бы не поверил. Но в этом лесу и не такое случается.

Он обернулся и некоторое время смотрел на темную стену деревьев. Салазар обратил внимание на то, как заиграли желваки у него на скулах. Странное дело — этот человек был егерем, лесничим, в общем, защитником леса. Однако он глядел на чашу так, будто ждал оттуда беды.

— В самом деле? — спросил Салазар. — И что же здесь случается?

— Разное, — ответил Григер тоном, который означал «лучше вам об этом не знать». — Чего-нибудь хотите с дороги? Чай, кофе? Или чего покрепче?

— Благодарю. — Доктор покачал головой. — От кофе бы я не отказался. Так что тут у вас произошло? Я так понял, вы нашли в лесу потерявшегося ребенка?

Он решил, что нет смысла тянуть вольнку. Григер очень медленно кивнул. Усы всколыхнулись, когда он шумно выдохнул через нос.

— Можно сказать и так. Хотя не думаю, что здесь уместно слово «нашли»... Скорее это она нас нашла.

— Вы уже обратились в полицию? Вызвали социальную службу? Насколько мне известно, это первое, что нужно делать в подобных случаях.

Григер посмотрел на Салазара с наивным изумлением, будто впервые об этом слышал.

— В самом деле? Разумеется, я знаю протокол, доктор. Поиск *потеряшек* входит в обязанности Управления. Но, боюсь, на этот раз у нас... особый случай. Пойдемте, я расскажу по дороге.

Он махнул рукой и, не оборачиваясь, зашагал в сторону корпусов станции. Салазар поспешил следом.

— Что значит «особый случай»? — проговорил он, стараясь не отставать от Григера. — Ваш человек, Ласло, он что-то говорил про волков, но так путано...

— Про волков не в курсе, — отрезал Григер. — Расскажу, что знаю. Мои ребята прочесывали лес к северу, искали незаконные посадки конопли и забрались дальше обычного. Пришлось остановиться на ночь. Это нормальная практика, на самом деле: связались по рации, поставили в известность и встали лагерем. У Управления есть пара «вертушек», но толку от них мало, приходится работать ближе к земле...

Он потянул себя за ус. Именно тогда Салазар и заметил след у него на запястье — четкий отпечаток укуса, такой ни с чем не спутаешь. В своей практике доктор с подобным уже сталкивался: два темных полумесяца засохшей крови, воспалившаяся кожа по краю... Стоило бы обработать антисептиком, однако Григер не удосужился ни перевязать укус, ни заклеить пластырем, видимо, посчитал рану несерьезной. Проклятье! А ведь прокусить кожу взрослого мужчины не так просто, и дело тут

МЕРТВЫЙ ЛЕС

не в силе челюстей. Григер перехватил взгляд Салазара и одернул рукав.

— В общем, — продолжил он как ни в чем не бывало, — парни встали лагерем: костер, походный ужин, все как полагается. И ночью одному из ребят понадобилось отлить, извиняюсь за такие подробности. Но не успел он штаны расстегнуть, как кто-то прыгнул на него с дерева. Парень с перепугу решил, что это рысь, в темноте не разберешь... На самом деле ему повезло. Если бы он случайно не повернулся, она бы сломала ему шею, он бы и пикнуть не успел. А так смог ее перехватить и удержать, а заодно и позвать на помощь. Но даже втроем они насилиу ее скрутили, а к утру доставили на станцию.

— Она... — повторил за Григером Салазар. — Девочка? Ваш человек сказал, что это был ребенок.

— Выглядит она как ребенок, — согласился начальник станции. — Я бы предложил лет двенадцать-тринадцать, но могу ошибаться.

На долю секунды он замялся.

— Мы заперли ее в одном из сараев. К сожалению, более надежного места не нашлось.

Салазар во все глаза вытаращился на начальника станции. Такого он не ожидал.

— Да вы в своем уме?! То есть вы нашли в лесу потерявшегося ребенка — голодного, замерзшего, напуганного, но вместо того чтобы ему помочь, вы его связали и заперли в сарае?!

— В своем ли я уме? — переспросил Григер. — Конечно, вам виднее, вы же специалист. Но, поверьте, у нас были все основания так поступить.

— Какие еще основания? — Салазар громко фыркнул. — То, что ребенок вас укусил, — это никаким образом не основание сажать его под замок.

— А! Вы об этом? — Григер дотронулся до запястья. — Это ерунда, царापина. А вот Тулле серьезно досталось: она вырвала у него из руки кусок мяса размером с кулак.

И на тот случай если Салазар не понял, он показал ему, какого размера бывают кулаки.

— Но это же была самооборона? — не сдавался Салазар. — Взрослые мужики набросились на нее, и что ей еще оставалось? И не говорите мне, что у вас не было иного выбора. Я понимаю: стрессовая ситуация, да и случай, мягко говоря, неординарный, но все же — есть и другие методы!

Григер и бровью не повел.

— Вы уж простите, господин доктор, — сказал он. — Но у нас действительно не было *иного* выбора. Это... существо представляет опасность для окружающих.

— Существо? Это не *существо*. Это ребенок, попавший в беду, и ваша прямая обязанность...

Григер поднял руку, и Салазар замолчал, как если бы его каким-то колдовством лишили дара речи. Он никогда не служил в армии и тем не менее поймал себя на том, что того и гляди вытянется по стойке смирно.

— Я еще не все рассказал, — проговорил Григер. — Мы не только поймали ее и доставили на станцию. Парни прочесали лес рядом с тем местом и нашли ее логово — что-то вроде норы под поваленным деревом.

— И что? Если эта девочка потерялась в лесу, она должна была где-то укрываться от дождя и...

Под немигающим взглядом Григера Салазар снова замолчал. Но начальник станции продолжал и продол-

МЕРТВЫЙ ЛЕС

жал смотреть на него, пока доктору не сделалось дурно. Куда сильнее, чем когда его укачало во внедорожнике.

— Мы нашли кости в том логове, — наконец сказал Григер. — Человеческие кости, принадлежавшие по меньшей мере трем разным людям. Все обглоданные до чиста и со следами зубов.

— Но... — Доктор замотал головой. — Погодите... То есть...

Он не нашелся что сказать, но Григер кивнул самым страшным его мыслям.

— Теперь вы понимаете, почему мы не вызвали полицию и соцслужбу? Шила в мешке не утаишь. Едва мы обратимся в полицию, о случившемся тут же пронюхают журналисты. И я боюсь даже представить, чем все это может обернуться. Потому мы обратились к вам напрямую. Прежде чем это дерьмо всплывет и начнет вонять, я хочу знать, что это за дерьмо.

— Да, да, понимаю... — пробормотал доктор, хотя ничего на самом деле не понимал.

Они остановились напротив невысокого щитового сарая с плоской крышей из рифленого железа. Окон там не было, а на дверях висел амбарный замок.

— Она здесь?

Григер молча вытащил из кармана ключ, однако открывать дверь не спешил. Так и застыл, прикусив нижнюю губу. Из-за двери доносился тихий вой: не крики, не стоны и не плач, а мерное гудение, звучавшее то выше, то ниже. Словно там притаился огромный осиный рой или же работал электродвигатель. Станный звук, вроде и не громкий, но неприятно давящий на уши.

— Это она?

— С того самого момента, как мы ее сюда привезли, — кивнул Григер. — Не прекращая ни на секунду.

— А... Что она там делает? — спросил Салазар, неожиданно шепотом. Как будто испугался того, что загадочная девочка за дверью может его услышать.

— Я не уверен, — пожал плечами Григер. — Это вы специалист. Но, по-моему, она поет.

Урдак слышит зов

Повиснув на одной руке, Урдак раскачивался на ветке своего дерева, да так, что фалды драного сюртука развевались за спиной, будто крылья.

— Смотрите, мистер Гош, смотрите, как я умею!

Вперед, назад, вперед, назад... Старое дерево скрипело и трещало, ветка сильно выгнулась, того и гляди сломается, но Урдак не прекращал своих упражнений: вперед, назад, разжать пальцы и в тот же миг — перехватить ветку другой рукой. Он был ловок, и быстр, и силен и наслаждался этим. Наслаждался настолько, насколько позволяла неутихающая резь в животе.

Часа не прошло, как Урдак изловил в кустах ласку. Вертялая чертовка успела укусить его за палец, прежде чем он проглотил ее целиком, не удосужившись свернуть зверьку шею. Но разве могла такая мелочь утолить его голод?

— Хэй, мистер Гош! А так вы умеете?

И сделав сальто, Урдак вдруг оказался наверху ветки, устроившись на ней на корточках. Мятый цилиндр сполз на лоб, но не упал — в самый последний момент Урдак успел удержать его. Нельзя терять шляпу, настоящий джентльмен никогда не теряет шляпы.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

— Ну, что скажете?

Плюшевый медведь, втиснутый в развилку двух ветвей, в восхищении уронил голову набок. Кончиком языка Урдак облизал потрескавшиеся губы и отвесил игрушке легкий полупоклон.

— Благодарю, дорогой друг. Ваше мнение для меня много значит. Когда-нибудь...

Он вдруг замер, всего на пару секунд, а затем костлявое лицо задвигалось, кончик носа задрожал. Несколько раз подряд Урдак с силой втянул воздух и тут же зажал пальцами ноздри, дабы не упустить запах, который принес ему ветер. Странный запах, знакомый, но Урдак долго не мог вспомнить, где он мог его слышать, а когда вспомнил...

Ну, надо же! Да это же *его* запах! Именно так пахла изнанка его сюртука, так пах внутри его цилиндр, так пахли его башмаки... Но в то же время запах был немножко другой, с резкими чужими нотками. Все это крайне озадачивало и, возможно, даже заслуживало его внимания.

Урдак склонил голову в одну, затем в другую сторону, разминая мышцы и слушая, как хрустят позвонки. Ветер сменил направление, унося с собой странный запах, но Урдак уже взял след. Он знал, что не заблудится.

— Что скажете, мистер Гош? Как вам...

И опять он не договорил, но на сей раз вмешался не запах, а звук. Сперва Урдак принял его за комариный писк, тонкий и тихий, и только потом сообразил, что звук — стон или вой, то выше, то ниже — доносится из леса. Из такого далека, откуда никакой звук не мог долететь до его холма и до его дерева. Услышать его — все равно что услышать стрекот сверчка

в глубокой пещере, стоя при этом на вершине горы. Но Урдак услышал. Услышал и вспомнил, и это воспоминание обожгло его сильнее, чем если бы он проглотил горящий уголек.

Это была песня, и Урдак знал ее. Давным-давно, в те времена, о которых никто и не помнит, эту песню пела женщина с костлявым лицом, склонившись над деревянной колыбелью. Женщина, которая зачем-то привела его в этот мир, а потом бросила одного. Он давно забыл ее имя, забыл цвет ее глаз и забыл, как звучал ее голос, но эта мелодия осталась с ним. Она была записана на его костях, она пряталась в его крови. И вот она зазвучала снова, стоило ему услышать всего пару тягучих нот.

— Мистер Гош? — Урдак ткнул медведя пальцем. — Вы слышите это?

Добрый друг промолчал, но по тому, как мотнулась его голова, Урдак понял, что мистер Гош тоже услышал зов.

— Друг мой, как насчет того, чтобы немного прогуляться?

Не дожидаясь ответа, он схватил игрушку, затолкал ее в карман и спрыгнул с дерева. Под ногами захрустели сухие кости. Вытянув тощую шею, Урдак снова принялся определять направление и расстояние. Путь предстоял долгий и трудный, но когда его это останавливало? Урдак оскалился, поправил сползший на затылок цилиндр и, подпевая едва слышной песне, стал спускаться с холма.

Впрочем, не сделав и десяти шагов, он замер. В животе громко урчало, желудок не переставал напоминать о себе. Песня песней, но перед долгой дорогой не поме-

МЕРТВЫЙ ЛЕС

шает и подкрепиться. Урдак давно приметил в лесу одно местечко, где рыжая сойка свила гнездо. Как раз сейчас птенцы-слетки готовились впервые покинуть родительский дом. Так почему бы их не проведать?

Разговор по душам

— Оставьте нас, — сказал Салазар. — Я хочу поговорить с ней наедине.

Григер смерил его взглядом.

— Вы уверены, господин доктор?

— Да, — ответил Салазар, хотя, сказать по правде, он был совсем не уверен. — Она вас боится. Не думаю, что она пойдет на контакт в вашем присутствии. Не беспокойтесь. Она ничего мне не сделает. Об этом вы уже позаботились.

Может быть, в его словах и скрывался сарказм, но прозвучали они скорее как благодарность. Как ни стыдно себе в этом признаваться.

Григер тяжело выдохнул в усы.

— Между нами, не думаю, что она вообще умеет разговаривать.

Начальник станции поморщился и, сам того не замечая, прижал ладонь к запястью.

— А вы пытались? — парировал доктор, но этот вопрос Григер оставил без ответа.

— Если что, я буду за дверью. Я не собираюсь подслушивать, но... В общем, если что — сразу зовите.

Он не сказал «на помощь», но это подразумевалось.

— Хорошо, — вздохнул Салазар. — Буду иметь в виду.

Григер хотел еще что-то сказать, может быть, пожелать доктору удачи, но в итоге ограничился кивком и,

чеканя шаг, вышел из сарая. Доктор повернулся к девочке из леса. За то время, что Салазар беседовал с Григером, она так и не подняла головы. Сидела, скрючившись, у стены и тихонько пела свою странную песню. И это было ужасно.

Пока рядом стоял начальник станции, доктор избегал смотреть на пленницу. Он отводил взгляд, даже замечая ее краем глаза, и лишь сейчас позволил себе взглянуть на нее по-настоящему.

В сарае было темно: под потолком висела голая лампочка на шнуре, но светила она так тускло, что Салазару приходилось щуриться, чтобы разглядеть, что находится у дальней стены. Ящики, накрытые линялым брезентом, лопаты и прочий инструмент — сарай явно не предназначался для того, чтобы держать здесь кого-то взаперти. Кроме того, тут оказалось холодно и сыро.

Доктор медленно опустился на земляной пол напротив девочки. Сел так же, как сидела она, — на корточки, но его руки и ноги не стягивали брезентовые ремни. Проклятье! Это, должно быть, чертовски больно. Неужели не нашлось какого-то другого способа ее удержать? Но пленница будто и не замечала этих пут. Она механически раскачивалась вперед и назад и подвывала, словно ничто иное в мире не имело значения. Выглядела она маленькой и хрупкой, в первую очередь из-за своей жуткой худобы. Казалось, стоит ей неудачно повернуться — и торчащие позвонки или ребра порвут кожу. Неужели потребовалась сила нескольких взрослых мужчин, чтобы справиться с этим истощенным ребенком?

Но в этот момент девочка взглянула на Салазара — на один краткий миг, — и этого оказалось достаточно,

МЕРТВЫЙ ЛЕС

чтобы у доктора волосы зашевелились на загревке. В ее глазах он не увидел ни капли страха, а только злость и ярость, обжигающие, будто адское пламя.

Девочка устроилась прямо границе света и тени. Из-за этого ее глаза казались неестественно большими и такими черными, что не разглядеть белков. Черными были и ее спутанные сальные волосы, настолько длинные, что, когда она сидела, они доставали до земли. Доктор дернулся, заметив, как из-под колтуна выполз жирный клещ и тут же закопался обратно.

На контрасте с чернотой волос и глаз ее кожа выглядела очень бледной, как будто девочка никогда не бывала на солнце, и влажно блестела, точно рыбье брюхо. Одежды на ней не было совсем, однако пленница не дрожала от холода, никакой гусиной кожи. Неподалеку лежало шерстяное одеяло, видимо, кто-то из егерей позаботился, но она попросту отбросила его в сторону.

Салазар несколько раз прочистил горло, чтобы привлечь внимание, но девочка снова опустила голову, уставившись на свои руки с длинными грязными ногтями.

— Привет. Здравствуй...

Девочка продолжала петь.

— Меня зовут Хайме. Я доктор. Ты знаешь, кто такой доктор? Я здесь, чтобы тебе помочь. Не бойся, я тебя не обижу.

В подтверждение своих слов Салазар поднял руки, показав ей раскрытые ладони. Девочка никак не отреагировала.

— Я хочу узнать, кто ты? — мягко спросил доктор. — У тебя есть имя?

Он на секунду задумался, а затем трижды ударил себя по груди.

— Хайме, — он указал на девочку пальцем. — А ты? Никакой реакции. Доктор глубоко вздохнул. Что ж, никто и не говорил, что будет легко. Он снова повторил этот трюк — хлопнул себя по груди, представился и указал пальцем. Она слегка приподняла голову. Третья попытка...

Его уберегло какое-то шестое чувство. В тот момент, когда он поднял руку, она вдруг извернулась и метнулась вперед, наплевав на то, что связана. Рванулась, как рванулся бы дикий зверь. Зубы клацнули в сантиметре от пальца доктора — он едва успел отскочить назад. Девочка же упала лицом вниз да так и осталась лежать. Она не пыталась ни встать, ни перевернуться, и только ребра медленно поднимались на каждый вдох.

Доктор замер у самой двери, не понимая, как здесь очутился. От девчонки его отделяло не меньше трех метров, и по всему выходило, что это расстояние он преодолел одним прыжком. Салазар и не подозревал, что на такое способен. Теперь же у него тряслись руки и колени, а сердце колотилось так, что впору глотать таблетки.

Но хуже было то, что доктор не понимал, что ему делать. Помочь девочке? Но она же пыталась... Пыталась что? Откусить ему палец или же рассчитывала дотянуться до горла?

Наконец пленница зашевелилась. Извиваясь, точно гусеница, она перевернулась на бок, а затем кое-как поднялась и снова села на корточки. Она смотрела на Салазара, но взгляд был пустой и невидящий, как если бы она пребывала под кайфом. Доктор проглотил вставший

МЕРТВЫЙ ЛЕС

поперек горла комок и попытался взять себя в руки. Рано еще отступать и славаться.

— Ты хочешь есть? — спросил он. — Или, может, пить?

В ответ девочка зашипела как змея и оскалилась, демонстрируя мелкие и острые зубы. Ни одного гнилого. Салазар отпрянул, едва удержавшись от того, чтобы выскочить за дверь. И без толку убеждать себя, что это всего лишь попавший в беду ребенок.

— Я могу принести тебе еды, — сказал он дрожащим голосом. Салазар указал пальцем на рот. — Еда? Хочешь есть?

Девочка дернула головой, и упавшие волосы полностью скрыли ее лицо.

— Косточки... — проскулила она. — Мягкие косточки... Сла-адкие...

Доктора будто окатили ледяной водой. На несколько долгих секунд он застыл с открытым ртом.

— погоди! Так ты умеешь разговаривать! Кто ты?

Но девочка не ответила. Не поднимая головы, она снова начала раскачиваться — вперед, назад, словно бы впала в транс. Еще минут десять Салазар пытался вытянуть из нее хоть что-то, обращался к ней словами и жестами, но ничего не добился. В итоге он сдался. Ему нужно время, чтобы обдумать случившееся и понять, что он должен и что он может сделать. А здесь, в темном сарае, рядом с этим созданием его голова отказывалась работать. словно кто-то подменил мозги липкой сахарной ватой.

— Я еще вернусь, — сказал он. — Скоро.

Девочка даже не вздрогнула. Бросив на нее последний взгляд, Салазар торопливо вышел наружу и плот-

но прикрыл за собой дверь. И тут же, на пороге, его вырвало.

— Дышите глубже, господин доктор. Это поможет.

Григер, как и обещал, ждал его снаружи — курил шагах в десяти от двери. Доктор вытер губы тыльной стороной ладони, в горле остался привкус желчи.

— Сигарету? — участливо предложил Григер.

— Не курю, — сказал Салазар и чуть не добавил «к сожалению».

Начальник станции затушил окурок о стену сарая и убрал в карман. Салазар отрешенно посмотрел на черные следы на досках. Это сколько же сигарет выкурил Григер, пока его дожидался?

— Ну? — нетерпеливо спросил начальник станции. — Поговорили по душам? Что скажете?

Салазар выждал с ответом.

— Пожалуй, эта работа займет некоторое время.

Григер обреченно вздохнул, но, похоже, он и не ждал иного ответа.

— Ну... Вы здесь специалист, вам и карты в руки.

Доктор мог бы сказать, что в данном случае никакой он не специалист, что за годы практики он ни разу не сталкивался с чем-то подобным и не понимает, чем он может помочь, и что эта история, по его мнению, кончится плохо... Но вместо этого он спросил:

— У вас есть где остановиться? Меня устроит простая койка, но потребуется стол для работы...

— Разумеется, доктор. Подберем вам лучшие апартаменты. — Григер фыркнул. — Надеюсь, вас не пугают комары.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

— И вот еще. Простите... — Салазар замялся. — У вас, случаем, не найдется чего-нибудь выпить? Желательно покрепче.

Григер криво усмехнулся:

— Предлагаю пройти ко мне в кабинет. У меня там припрятана канистра конфискованного самогона, и поверьте, лучше выпивки в этих краях вы не найдете.

За закрытой дверью сарая странная и страшная девочка снова начала петь.

Кухонные разговоры

На цыпочках Ива прокралась на Кухню и остановилась, скрестив руки на груди, с таким видом, будто торчит здесь уже битый час. Доброзлая Повариха стояла к ней спиной — мыла посуду в старой жестиной ванне, гремела кастрюлями и сковородками, ложками и поварешками, да так, что звон стоял на весь дом. Духи и тени от ужаса попрятались под кроватями и в пыльных шкафах; Некто Тоший сбежал на крышу, но и это не помогло — пришлось затыкать уши пальцами. В таком шуме и грохоте Повариха никак не могла слышать беззвучных шагов Ивы, ее легкого дыхания, и все же...

— Явилась наконец, чертовка, — пророкотала Роза, поднимая над головой громадную черную сковороду в хлопьях мыльной пены. На такой сковороде Ива могла бы уместиться целиком. — Ты где пропадала? Я уже два дня тебя не видела.

Ива глянула на нее, склонив голову. Главное — внимательно следить за мочками ушей, именно они начинали меняться первыми. Но пока что отвислые уши Ро-

зы были обычного цвета, без тени зловещей белизны, а значит, Повариха сердится не по-настоящему. Пока, во всяком случае.

— То тут, то там. Гуляла по лесу, — сказала Ива. — Посмотри, что я тебе принесла.

Через плечо у нее висела расшитая бисером холщовая сумка, из которой Ива достала за шеи двух упитанных селезней — она подстрелила их на рассвете на берегу реки. Повариха отложила сковородку и старательно вытерла руки о передник, прежде чем, со всем почтением, принять подношение.

— Хорошая добыча. Ты же не забыла попросить у них прощения?

Ива фыркнула.

— Спрашиваешь! Сделала все как положено — и благодарил, и поделилась, и била с первой стрелы.

— Что ж, — сказала Повариха. — В таком случае сварим из них суп. А вот если бы ты еще принесла дикого чеснока...

Ухмыляясь от уха до уха, Ива достала из сумки объемистый пучок свежей зелени.

— Вот. И чеснок, и кислянка, и заячьи уши, и ведьмина трава. Хотела корневых яиц накопать, но рано еще, не успели.

— Ох ты ж, умная девица! — всплеснула руками Повариха. — Про все подумала! И даже ведьминой травы принесла, а ее попробуй отыщи.

Ива вытянула шею и чуть не заурчала, как довольная кошка. Всегда же приятно, когда тебя хвалят, а не пытаются оторвать голову. Повариха разложила дары на разделочной доске, еще немного попричитала, но в итоге вернулась к посуде.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

— Так, может, расскажешь, куда ты сегодня забралась? — спросила она, погружая руки в мыльную воду и выуживая из нее пузатую кастрюлю.

— Ходила на север, — пожала плечами Ива. — Ты знаешь, что если у реки встать против течения, закрыть глаза и идти прямо и прямо, то можно найти круглую башню из черных камней, в которой живут карлики в шапках из перьев?

Роза поджала губы.

— Я слышала про них. Злой народ, держись от них подальше.

— Да я уже поняла, — вздохнула Ива. — Они кидались в меня камнями, рыбьими костями и всякими отбросами. Но что поделаешь, если у подножия той башни растет самая сочная ведьмина трава во всем лесу?

— Само собой. Лучше всего ведьмина трава растет там, где пролилась невинная кровь. Как бы и на твоей кровушке не выросла пара свежих кустиков.

Ива звонко хлопнула себя ладонями по бедрам.

— Еще чего! С такими ногами этим коротышкам ни-почем за мной не угнаться!

Повариха смерила ее взглядом и хмыкнула:

— И то верно. Уж ноги-то ты отрастила что надо. Мне бы такие ноги в твои годы, уж я бы... Ну, пара зим, и, глядишь, отрастишь и все остальное.

— Бе! — Ива показала ей язык. — А еще я видела место, где проползал Великий Червь Пожирающий Камни. Матушка мне про него когда-то рассказывала. Представляешь, земля там до сих пор как стекло, а сколько уже тысяч лет прошло!

— Как бы этот червяк вместе с камнями не пожрал еще и одну чересчур самоуверенную девчонку, — на-

хмурилась Роза. — И в кого ты уродилась такая непоседа?

Ива развела руками:

— А Матушка дома?

— Может быть. Я не видела, чтобы она выходила за ворота. Но Госпожа ходит своими тропами.

— Пойду ее проведу, — сказала Ива. — И жду не дожусь утиного супа!

Она демонстративно облизала губы и со смехом выскочила из кухни. Доброзлая Повариха, улыбаясь, проводила ее взглядом. Однако не успели стихнуть шаги в коридоре, как улыбка Розы скисла, словно бы ей под нос сунули тухлое яйцо. Она поморщилась, не понимая, что не так. В мире будто что-то изменилось. В красивую мелодию откуда-то пробралась фальшивая нота.

Повариха отложила в сторону посуду и прошла по кухне — прислушиваясь и принимаясь, пробуя на вкус воздух. Что-то сломалось, что-то испортилось, но где и что именно? Может, виной всему селезни, которых принесла Ива? Что, если девчонка что-то напутала или забыла, и теперь это проклятая пища? Но нет — утки пахли как полагается, все с ними в порядке. Тогда что же ее беспокоит? Беспокоит так, что заныли шрамы на спине, рука легла на рукоять самого острого тесака, а мочки ушей побледнели.

Но потом Роза поняла, что виной всему некий звук — монотонное гудение на самом пределе слуха. Она не столько услышала его, сколько почувствовала. Гадкий звук, неприятный, надоедливый, точно назойливая муха. Повариха завертела головой, пытаясь понять, откуда он доносится, но не смогла определить источник. Может, он звучал только у нее в голове?

МЕРТВЫЙ ЛЕС

Повариха почесала мизинцем в ухе, но странный звук не исчез и даже стал громче. Мерный гул, то выше, то ниже, каким-то образом он проникал в нее и резонировал в костях. Повариха сжала челюсти, нож упал на пол. Беспричинная тревога нарастала как снежный ком. Что-то здесь не так... Она же ведь где-то слышала что-то подобное, этот звук, эту... *Песню?*

В темной комнате

— Матушка? — Ива приоткрыла дверь и осторожно заглянула внутрь.

В лицо подул холодный ветерок, и в носу засвербело от запаха сухой паутины. Ива глубоко вздохнула, лишь бы сразу не расчихаться. Из-за двери выскочил паучок размером с ноготь большого пальца и умчался вниз по коридору на длинных и тонких ногах. Ива замерла на пороге, прислушиваясь к шороху и шепоту теней.

— Входи, дитя, не бойся, — наконец послышался из темноты голос мягкий и ласковый, но было в нем и что-то такое, отчего у Ивы зашевелились волоски на руках. А впрочем, ей ли бояться? Ива рыбкой юркнула за дверь и беззвучно прикрыла ее за собой.

Ей потребовалось совсем немного времени, чтобы глаза привыкли к темноте, и чуть больше — чтобы погрузиться в атмосферу размеренного спокойствия, царившую в этой комнате. Здесь никто и никогда не спешил, и даже ее беспокойное сердце начинало биться медленнее. Здесь застыло само время. У дальней стены возвышались напольные часы в деревянном корпусе — их стрелки давно остановились, тяжелый бронзовый маятник оплела паутина. Искусно вырезанные импы и гротескные горгульи креп-

ко спали и изредка глубоко зевали, не размыкая деревянных век.

Матушка сидела в кресле и, по своему обыкновению, что-то вязала. Мелькали костяные спицы и длинные пальцы, но в этом мельтешении не было никакой суеты. В темноте комнаты ее бледное лицо светилось, точно луна ясной ночью, но глаза оставались бездонными черными провалами.

— Где ты пропадала, солнышко? — спросила она ласково, ни на секунду не прекращая вязания. То, что струилось из-под ее спиц, походило на покрывало, сплетенное из прядей утреннего тумана, или, быть может, на тонкую рыболовную сеть. Но какую рыбу можно поймать такой сетью? Уж точно не речную форель.

Скрестив ноги, Ива села на пол рядом с креслом. Любопытный паучок пробежал по ее руке до плеча, спрыгнул и исчез в темноте.

— Гуляла по лесу, — сказала Ива. — Выслеживала кое-кого.

— И выследила?

— Нет, — вздохнула Ива. — Пока еще нет.

— Будь осторожна, милая. Охота — дело непростое, и кто знает, куда заведет тебя эта тропа. Ты ведь помнишь, чему я тебя учила?

— Конечно помню! — возмутилась Ива. — И ты, Крестный и Роза... Все только и делают, что чему-то меня учат.

Протянув одну из рук, Матушка потрепала ее по макушке.

— А ты все так же непослушна и нетерпелива, вороненок. — Она подцепила длинную черную пряжу дочери и намотала на палец. — Боюсь, даже когда эти

МЕРТВЫЙ ЛЕС

волосы станут белыми как снег, ты все равно не успокоишься...

— А зачем? — спросила Ива, заглядывая в ее бездонные глаза, и на это Матушка Ночи ничего не смогла ответить, лишь печально улыбнулась.

Но вдруг что-то в ее лице переменялось: ни с того ни с сего оно стало острее и злее, глаза сузились, губы вытянулись в тонкую ниточку. Матушка выпрямилась в своем кресле, отдернула руку с головы дочери и прекратила вязать.

— Что-то случилось? — насторожилась Ива.

— Ты слышишь это, дитя? — спросила Матушка Ночи.

Ива завертела головой, прислушиваясь к шорохам и шепоту темноты и прочим звукам дома. Где-то в коридоре скрипнула половица, кто-то пробежал, громко топая маленькими ножками, ветер и духи завывали в трубах, на чердаке печально ухнула сова. Причудливые и странные звуки, но для Ивы в них не было ничего необычного.

— Что именно?

— Песню. — Матушка нахмурилась. Меж тонких угольно-черных бровей появилась глубокая складка.

— Нет, — сказала Ива. — Какую еще песню?

Матушка ответила не сразу, но Ива умела ждать. Она сидела тише, чем мышь в доме, полном кошек, не смея пошевелиться и лишний раз вдохнуть. Наконец Матушка немного расслабилась, напряженные плечи поникли, и костяные спицы снова застучали, задавая ритм ее речам.

— Я расскажу тебе историю, — начала она. — Давным-давно, когда солнце было луной, а луна солнцем, когда Большой Лес простирался до самого края земли, а его тропы топтали звери, о которых никто и не пом-

нит, в те далекие времена у людей не было языка. Они не знали слов, не знали криков и были немые как рыбы, все до единого. Плохо им было без языка: никто не мог позвать на помощь, никто не мог предупредить об опасности, они теряли друг друга в темноте ночи, они пропадали в глубинах пещер. Они не знали сказок и историй и не могли делиться ими со своими детьми... И жила тогда одна птица по имени Птица. Однажды она сидела на ветке большой березы, а внизу копошились люди — те, что не знали ни слов, ни звуков. Посмотрела на них Птица и почувствовала такую жалость в своем сердце, что слезы брызнули из ее глаз. И тогда птица сказала: «Я Птица, я знаю сто сотен Песен, а эти голые птенцы не знают ни одной. Я могу подарить им одну Песню, с меня не убудет». Она выбрала одного ребенка и научила его Песне Радости, и это был первый человек, который засмеялся. Но потом Птица увидела, что одной Песни людям мало. Тогда она выбрала другого ребенка и научила его Песне Горя, и это был первый человек, который заплакал. Но и двух Песен людям оказалось мало, и тогда Птица научила людей множеству других песен — Песне Охоты и Песне Любви, Песне Дня и Песне Ночи... Все сто сотен Песен добрая Птица отдала людям. Но и этого им оказалось мало. И когда Птица спустилась к ним в последний раз, они поймали ее, убили и съели. Из ее перьев женщины сделали себе украшения, из ее костей мужчины сделали рыболовные крючки. С тех самых пор птицы больше не плачут, а у людей появились Песни. Это уже потом, много позже, люди разобрали Песни на кусочки и сложили из них слова... Но вначале, вначале были Песни.

Матушка замолчала. Ива шмыгнула носом и сморгнула наверх нависшие слезы.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

— Бедная Птица! Эти люди обманули ее! Они забрали у нее самое дорогое, а сами...

Матушка Ночи едва заметно пожала плечами.

— Такие были времена.

— Ничего не изменилось, — зло сказала Ива. — Эти люди и сейчас продолжают брать и ничего не отдают взамен, а то, что берут, они ломают и портят, и...

— Но ты тоже человек, — мягко напомнила Матушка и, протянув руку, вытерла слезы на щеках дочери. — Люди бывают разные, как и птицы. Как и Песни. Помни об этом.

Она снова беспокойно огляделась. Тень пробежала по узкому лицу, словно крыло ночной птицы на мгновение скрыло бледный лик луны. Ива напрягла слух, но все впустую.

— А какую Песню ты услышала сейчас? — спросила она.

Матушка опустила голову.

— Последнюю Колыбельную, — чуть помедлив, ответила она. — Это старая Песня...

— Песня для сна? — спросила Ива, вспоминая все те колыбельные, которые пела ей Матушка. Песни без слов и песни со словами, которых Ива не знала и не понимала, — Хозяйка Ночи знала все колыбельные мира.

— Нет, милая, это другая Песня. Эта песня для смерти.

Тихая ночь

Салазару снился сон, и в этом сне он был кем-то еще. Не доктором и даже не человеком, а беззащитным зверем, загнанным в ловушку и обреченным на смерть. Оле-

нем, которого затравили волки, белкой, пойманной куницей, полевкой в когтях у совы... Всеми ими сразу. Смерть в тысяче своих обличий стояла у него за плечом и пела ему песню тысячей своих голосов. Но голоса менялись, а песня оставалась все той же — медленная и тягучая, звучащая то выше, то ниже, стирающая все, что некогда было важным, и оставляя взамен покой и забвение...

Салазар проснулся мокрый как мышь; и простыни, и наволочки хоть отжимай. Шерстяное одеяло комом сбилось в ногах, видимо, доктор сражался с ним всю ночь и, похоже, победил. Глупейший поступок с его стороны. Но откуда ему знать, что комары со всего леса так обрадуются его визиту, что закатят грандиозную вечеринку и соберут на нее всех своих родственников, друзей и знакомых? То, что в лесу много комаров, — самый очевидный из всех очевидных фактов. Но Салазар и подумать не мог, что их окажется *настолько* много. За эту ночь он потерял не меньше стакана крови, а от бесчисленных укусов у него чесалось все, что могло чесаться.

Застонав, Салазар перевернулся на один бок, на другой, попытался ногтями содрать кожу с колена — вдруг поможет? — и в итоге не выдержал и сел на краю кровати.

Чувствовал он себя препаршиво. Как если бы его прокрутили в стиральной машине вместе с кустом колючего чертополоха. Голова, к счастью, не болела, но вместо этого ломило суставы, во рту пересохло, а на языке держался гадкий привкус болотной тины. Хотелось немедленно прополоскать рот, и желательно — едким шелоком. Самогон, которым угощал его Григер, на деле оказался коварной штукой, и если такая гадость творится у него во рту, то страшно представить, что происходит сей-

МЕРТВЫЙ ЛЕС

час в желудке. Впрочем, сказал себе доктор, он не ослеп, а это уже большой плюс.

В комнате было нестерпимо душно. Удивительно: уж чего, а свежего воздуха в лесу должно хватать с избытком. На деле же его оказалось меньше, чем в переполненном автобусе с задраенными окнами. Видимо, эта духота и породила ночные кошмары. Духота и алкоголь, по крайней мере, такое объяснение звучало логично.

На соседней койке похрапывал Ласло — тот самый молодой егерь, который привез его на станцию. Отдельной комнаты для доктора не нашлось, пришлось разделить кров с этим словоохотливым парнем. Не то чтобы Салазар возражал, но... События прошлого вечера расплывались как в тумане. Но, кажется, перед тем как доктор отключился, Ласло битый час донимал его вопросами о таинственной девочке. Мол, что Салазар думает об этой истории и что теперь надлежит делать. Вопросами, на которые у доктора не нашлось ответов. Даже на самый главный.

— А вы сами как думаете, господин доктор, она вообще человек? — Голос Ласло дрогнул, и в его веселых глазах Салазар разглядел испуг.

— Я? Не знаю... — Он покачал головой, хотя в его состоянии делать этого не стоило. Мир и без того шатался, а зашатался еще сильнее. — Честно — не знаю.

Салазар провел ладонью по потному лицу. Проклятье... У него жар или это кажется? Ему одновременно хотелось и пить, и в туалет. Чудо, что мочевой пузырь еще не лопнул. Салазар напряг память, пытаясь вспомнить наставления Григера о том, где искать уборную: мимо корпусов в сторону леса, до дощатого домика. На станции все удобства были, как говорится, «во дворе». Глав-

ное, не заблудиться в темноте. Будить Ласло, чтобы попросить у него фонарь, Салазар постеснялся.

Он посидел еще немного на краю кровати, но в конце концов нужда заставила подняться. Стараясь особо не шуметь, доктор заковылял к выходу. Стоило открыть дверь, и в комнату ворвался поток прохладного ночного воздуха. Ласло проворчал что-то невнятное, но не проснулся, а перевернулся на другой бок и натянул одеяло на голову.

Доктор ненадолго замешкался на пороге, пытаясь понять, куда идти. Может, кто другой на его месте наплевал бы на условности и не стал бы далеко отходить от корпуса. Но строгое воспитание не дает расслабиться именно в самые неподходящие моменты. В конце концов, подумал Салазар, среди егерей были и женщины, и не хотелось, чтобы его застукали со спущенными штанами.

Темнота снаружи была не такая уж непроглядная. Светила луна, не полная, но достаточно яркая, чтобы не напрягать глаза. И под ее присмотром доктор пошатываясь побрел мимо корпусов в нужном, как он думал, направлении.

Ночь оказалась на удивление тихой, совсем не такой, какой должна быть ночь в лесу. В городе, когда доктор хотел расслабиться, он иногда включал записи со звуками ночного леса: шепот ветра в густой листве, журчание ручья, стрекот цикад и птичьи трели... Но сейчас, в настоящем лесу, Салазар ничего подобного не услышал. Его обняла тишина, такая плотная, что казалось, ее можно потрогать руками. Как будто лесной воздух впитывал в себя все звуки, поглощал их точно губка. Один-единственный раз из чащи донесся резкий вскрик — доктор не понял, птица ли это или зверь, —

МЕРТВЫЙ ЛЕС

и снова сгустилась тишина. Как в комнате со стенами, обитыми пробкой.

В какой-то момент Салазар понял, что очутился напротив сарая, в котором держали девочку из леса. Он остановился у двери и прислушался. Ничего. Должно быть, странное создание — «существо», как назвал его Григер, — все-таки уснуло. Доктор решил, что это хороший знак. По крайней мере, девочка прекратила петь. Салазар сильно сомневался, что сможет когда-нибудь забыть жуткую тягучую мелодию, и знал, что еще не раз она будет ему сниться в самых страшных кошмарах. Но сейчас он ее не слышал, и это радовало.

Доктор немного потоптался у двери, но затем поспешил дальше по утрамбованной дорожке между корпусами. И только когда он добрался до туалетов, его вдруг осенило.

Замок! На двери сарая должен висеть замок. Тяжелый ржавый амбарный замок, по виду — настоящий антиквариат. Салазар отлично помнил, как Григер отпирал, а потом закрывал его. А на двери, у которой он остановился, никакого замка не было. *Странно...* Кто-то из егерей снял его? Но зачем?

Салазар поежился. Вот что за глупые мысли лезут в голову? Это темнота и тишина всему виной. Говорят, сон разума порождает чудовищ, но эти двое справляются не в пример лучше. Наверняка ему просто показалось, он чего-то не разглядел, а то и вовсе перепутал двери. В конце концов, на этой станции все здания выглядят одинаково, ну, а чтобы лишний раз не думалось, на обратном пути он еще раз проверит.

Салазар поднял голову и успел заметить, как по лунному лику скользнула быстрая тень. Может, летучая мышь,

а может, и сова. Тихая ночь оказалась не такой уж и безжизненной, кто бы мог подумать! Однако же куда больший сюрприз ожидал доктора, когда он опустил взгляд.

Кто-то сидел на корточках на краю крыши ближайшего корпуса. Салазар разглядел лишь темный силуэт, очерченный по краю лунным светом. Точно вырезанная из черной бумаги фигурка из театра теней.

Салазар не испугался, хотя и вздрогнул от неожиданности. Видимо, подсознательно он ждал чего-то подобного. Доктор знал, что не спит, и тем не менее все происходящее несло на себе отпечаток причудливой логики сновидений. Любая странность воспринималась как нечто само собой разумеющееся.

Фигура на крыше оставалась неподвижной. Как если бы это была диковинная горгулья, вытесанная не из камня, а из темноты, из плоти самой ночи. Мелькнула мысль, что это лесная девочка — в точно такой же позе она сидела, когда Салазар ее покинул. Но некто выглядел заметно крупнее пленницы. Взрослый, а не ребенок. При условии, что это вообще человек, в чем доктор засомневался. Уж больно непропорциональной и изломанной казалась таинственная фигура. Слишком много прямых линий, и все — под неправильными углами. Неестественно вытянутая голова с плоской макушкой клонилась набок, и доктор не сразу сообразил, что это всего-навсего шляпа.

Салазар так и не понял, как долго он таращился на странную фигуру на крыше. Должно быть, не более нескольких секунд, но время будто остановилось. А потом еще одна быстрая тень пересекла луну, и на этот раз это точно была летучая мышь. И доктор очнулся от забытья.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

— Эй! — крикнул Салазар, вот только голос прозвучал не громче шепота. — Эй! Кто... Что вы здесь...

В то же мгновение темная фигура метнулась в сторону и исчезла за краем крыши. Салазар же остался стоять, уставившись в пустое пространство и гадая, не померещилась ли ему эта встреча. Не иначе как у него случилось кислородное отравление от избытка свежего воздуха, вот и мерещится невесть что. Так ведь бывает? Доктор замотал головой в безуспешной попытке стряхнуть наваяние. В этом лесу чего только не бывает.

На обратном пути Салазар все же завернул проверить дверь сарая, исключительно ради собственного спокойствия. И лучше бы он этого не делал. Навесной замок и в самом деле отсутствовал — кто-то попросту вырвал его вместе с петлями. И стоило слегка потянуть за ручку, как дверь тут же распахнулась.

Салазар застыл на пороге. Войти в сарай он не осмелился. Он уже знал, что таинственной девочки там не окажется и глупо даже пытаться ее там найти. Сама или с чьей-то помощью она смогла сбежать.

Салазар медленно опустил руки. Наверное, он должен поднять тревогу, должен известить Григера или еще кого, должен хоть что-то предпринять. Но доктор не двинулся с места. Он же с самого начала знал, что этим все и закончится. С того самого момента, как увидел эту бледную девчонку. Ведь, как ни крути, а она была чудом. Пусть недобрый, даже страшным, но все-таки чудом. Никакие двери и замки, никакие ремни не способны его удержать. Чудо появляется и исчезает тогда, когда ему вздумается.

Доктор, пятясь, отошел от сарая и, опустив голову, поплелся обратно в свой корпус. Случившееся еще пред-

стояло осознать или же принять как данность. Но это потом, а сейчас доктор был не способен об этом думать.

В таком сомнамбулическом состоянии Салазар добрался до корпуса и даже умудрился не заблудиться по дороге. Дверь оказалась открыта, но тут ничего удивительного — он сам же ее не запер, а остальное сделал ветер. Ох, и налетело поди комаров, но хотя бы Ласло перестал храпеть...

Салазар вошел в домик и тут же обо что-то споткнулся в темноте, чуть не упал. Медленно, все еще пребывая в липком полузабытье, доктор опустил взгляд и... Салазар только и успел, что пару раз моргнуть, прежде чем осознание случившегося обрушилось на него как горная лавина — круша и ломая все на своем пути.

Раскинув руки, на полу лежал Ласло. Лицом вниз в луже собственной крови. В огромной блестящей лаково-черной луже.

Именно тогда Салазар и закричал, но своего крика он не услышал.

Как дикие звери

Медленно, заметно пошатываясь, из домика вышла девушка-фельдшер — коренастая, крепко сбитая, из тех, про которых принято говорить «кровь с молоком». Но на лице ее не было и кровинки. Она остановилась, опираясь о стену, бледная как сама смерть, под глазами чернели круги. Несколько минут она стояла, согнувшись чуть ли не пополам, и тяжело дышала, но затем нашла в себе силы, выпрямилась и зашагала к Григеру. О чем они говорили, Салазар не слышал, но разговор был долгий. Наконец начальник станции отпустил деви-

МЕРТВЫЙ ЛЕС

цу — она отошла на пару шагов, и вот тут-то ее и вывернуло наизнанку.

Доктор Салазар сидел на земле, укрытый теплым шерстяным одеялом, но дрожал так, будто голышом очутился на Северном полюсе. В трясущихся пальцах тлела сигарета, и доктор понятия не имел, как она там оказалась. Он даже не затягивался — просто смотрел на то, как змеится струйка сизого дыма, как растет, загибаясь вниз, столбик пепла, а затем обламывается и падает на край одеяла. В любой момент, представлял Салазар, это одеяло могло вспыхнуть, как пропитанная бензином тряпка, он не успеет скинуть его, прежде чем сам обратится в горящий факел. Эта мысль нисколько его не пугала, даже наоборот. Думать о собственной смерти оказалось куда легче, чем о смерти чужой.

Чеканя шаг, к Салазару подошел Григер. Видно было, что он порывается что-то сказать: пышные усы то и дело начинали мелко дрожать, но слова не приходили. Не выдержав, начальник станции достал из кармана мятую пачку, прикурил с четвертой попытки, ломая спички, и не меньше минуты дымил как паровоз, затягиваясь так глубоко и так часто, что в итоге закашлялся и долго не мог прийти в себя.

— Глаза и язык, — наконец сказал Григер. — Ему выдавили глаза и вырвали язык... Шея сломана.

Лицо начальника станции было белым как полотно. От его вовсе не напускной мужественности не осталось и следа. Горящий кончик сигареты метался из стороны в сторону.

— Вы знаете, кто так поступает? — спросил он.

— Сумасшедший? — предположил Салазар, хотя и знал, что ответ неверный.

— Нет, — резко ответил Григер. — Разве что этот псих воображает себя тигром или леопардом. Волком.

— В смысле? — не понял доктор.

— Так нападают дикие звери, — объяснил Григер. — Ломают шею, а после поедают мягкие ткани. Вот что я имею в виду.

— То есть, — Салазар сглотнул слюну, — хотите сказать, что это сделал какой-то зверь?

Григер посмотрел на него так, что на секунду доктор испугался, что тот его ударит. Не со зла, а лишь для того, чтобы хоть как-то выплеснуть свои страх и гнев, обиду и боль. Но начальник станции сдержался.

— Я ничего не хочу сказать, — буркнул он. — Это просто факты.

Утро еще не наступило, но ночь уже ушла, уступив место серым предрассветным сумеркам. Скоро темные макушки деревьев вспыхнут жидким золотом, и с первым лучом солнца начнется оглушительный птичий концерт. Но лес молчал. Он словно бы затаил дыхание.

Григер швырнул недокуренную сигарету под ноги и яростно втоптал в землю.

— Я не понимаю, — сказал он, — как? Как она это сделала? Как она смогла выбраться? Как...

— Она? — переспросил Салазар.

— А кто же еще?! Эта мерзкая тварь, лесная дрянь...

— Не думаю, что это она, — сказал доктор.

— Не думаете? В смысле «не думаете»? Да вы же сами мне рассказали, как она на вас набросилась — там, в сарае.

— Я помню, — вздохнул Салазар. — А еще я помню, что рассказал вам, как видел кого-то этой ночью. Какой-то человек сидел на той крыше.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

Доктор махнул рукой, указывая направление. Одеяло упало с плеч, он не стал его поднимать.

Григер провел ладонью по лицу.

— Да, рассказали, — признал он. — Черт! Вы даже не представляете, насколько дико это звучит. Но...

Начальник станции глубоко вздохнул, и плечи его поникли.

— Она была не одна. Это многое объясняет. Мы ее забрали, но кто-то нас выследил и пришел за ней. Проклятье! Может, их тут целое семейство!

— Семейство кого? — поежился Салазар.

Григер скривил рот.

— Откуда я знаю? Это вы здесь специалист. Каких-то дикарей, одичалых психов, черт его знает... Может, это какой-то кровавый культ? В этом лесу кого только не встретишь. От хиппи-отшельников до сектантов-фанатиков. Браконьеры, самогонщики, черные лесорубы, прочий сброд. Мы тут как на войне, пусть никто этого и не замечает.

— Я... — начал доктор, но не нашелся что сказать и понуро опустил голову. Начальник станции сплюнул.

— А на войне, — сказал он, — разговор короткий. Есть ты, и есть враг, и врага нужно уничтожить. Это наша прямая обязанность, и правило здесь одно — либо ты, либо он.

— Уничтожить? — Салазар поднял взгляд. — В смысле...

— Да в прямом смысле! — рявкнул Григер и хлопнул кулаком по раскрытой ладони. — Не может тут быть никаких других смыслов!

— Это... — Салазар сглотнул. — Это противозаконно. Преступника полагается...